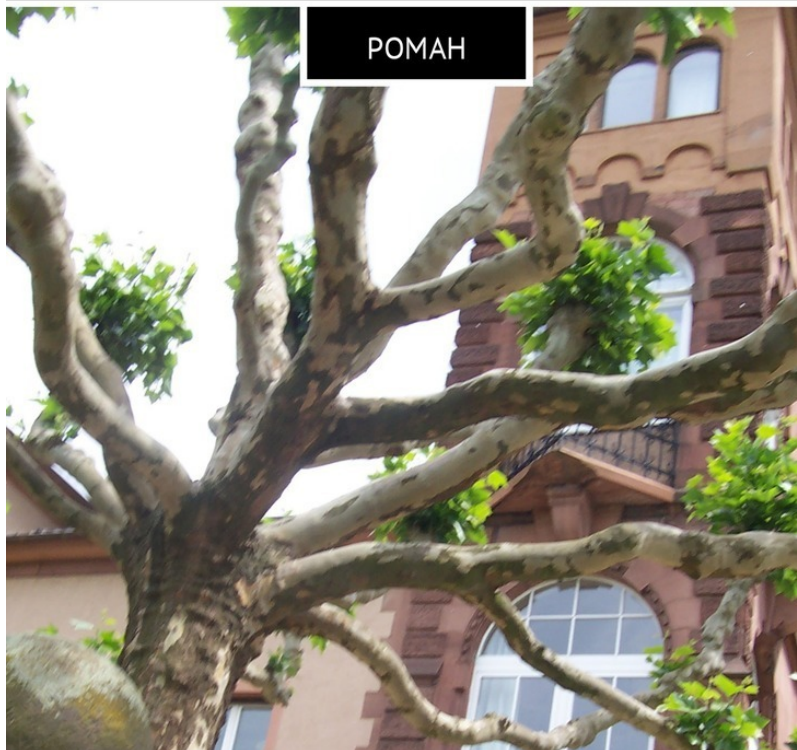

СЕРГЕЙ КУРГАН

Дом, стоящий там

РОМАН

Сергей Курган

Дом, стоящий там. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26535116

ISBN 9785448576874

Аннотация

Мистический триллер. Веселая молодежная компания собралась в загородном коттедже, чтобы отметить новоселье. Они рассчитывают хорошо провести время. Но уикенд оборачивается кошмаром. Тень ужаса, пришедшего из давних времен, нависает над домом у озера...

Содержание

Глава 1: «ЧЕРВОТОЧИНА»	5
Глава 2: «ЗНАЧОК ИЗ СТАРИННОЙ БРОНЗЫ»	14
Глава 3: УСАДЬБА У ОЗЕРА	22
Глава 4: ДЕЖА ВЮ	29
Глава 5: ЯНА	45
Глава 6: ЛУННЫЙ СВЕТ	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дом, стоящий там

Роман

Сергей Курган

*Death was in that poisonous wave,
And in its gulf a fitting grave.*

E. A. Poe¹

Фотограф И. С. Ковальчук

© Сергей Курган, 2017

© И. С. Ковальчук, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-7687-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1: «ЧЕРВОТОЧИНА»

...Я медленно, но упорно спускался все ниже и ниже по крутой, мрачной лестнице. Темнота постепенно все более сгущалась вокруг меня, и фонарик, который я нес в руке и которым я пытался подсвечивать себе путь, становился все более и более бесполезным. По мере того, как я спускался, воздух делался холодней, и какая-то промозглая, всепроникающая сырость пропитывала затхлую, душную атмосферу подвала. Лестница уходила все ниже, и постепенно я начал смутно, казалось, на пределе чувствительности, ощущать какой-то трудно уловимый запах. Между тем спуск продолжался. Я неясно, почти подсознательно чувствовал, что нахожусь на большой глубине под землей, но где именно, и почему я должен спускаться все ниже, я не знал. Все же призраком какой-то догадки теплился в моем невыносимо утомленном мозгу, но мне все никак не удавалось поймать эту постоянно ускользающую мысль. Мне почему-то казалось, что в тот момент, когда я вспомню всё и пойму причину моего пребывания здесь, безмерный, леденящий ужас навалится на меня, мерзкий липкий страх задушит мое и без того с трудом работающее сознание; и я защищался, отбивался от страшной мысли, как только мог.

Между тем я продолжал спуск. Как долго я уже спускаюсь, и что это за сила или что это за необходимость, кото-

рая так упорно и повелительно гонит меня дальше, несмотря на нарастающий ужас? Оглянувшись вокруг себя, я заметил в тусклом, неверном свете фонарика, что стены теперь покрыты слизью и плесенью. Сырость и холод становились все более пронизывающими, а запах, такой неясный вначале, усиливался и как будто сгущался. И вот уже отвратительный, тошнотворный смрад ударил мне в ноздри, а холод пронизал меня насквозь, до самых костей. Вместе с тем, какой-то едкий желтоватый туман за клубился перед моими глазами. Где я? Что я здесь делаю? Как я тут очутился, и самое главное, что это за запах и почему здесь так холодно, так дьявольски холодно и сыро, как... ну да, конечно! Как в *могиле*!

В могиле?! Все закружилось у меня перед глазами, ключ, так долго замыкавший мое сознание, повернулся в замке, и я вспомнил! Воспоминания вихрем пронеслись в голове, и ужас, подлинный, великий, *абсолютный ужас* охватил все мое существо. Зловещий желтый туман за клубился со все нарастающей стремительностью и стал принимать видимые формы...

О Боже! Я почувствовал, что задыхаюсь; словно огромная, тяжелая каменная плита всем своим чудовищным весом навалилась на мою грудь, и не дает сделать ни вдоха. Я хочу кричать, о! как я хочу кричать, дико, пронзительно! Но вместо этого я издаю лишь жалкий хрип – хрип предсмертной агонии. И тогда, как бы подтверждая худшие мои опасения, победно и мощно раздается погребальный звон... дзоннн...

ДЗОННН... ДЗОННН...

* * *

Дзинннь! Дзинннь!

Телефон надрывается на столике. Как долго? О, черт! Это был сон! Последние темные ошметки ночного кошмара спадают с меня. Сбросив оцепенение, я вскакиваю с дивана и хватаю трубку. Сердце колотится, как бешеное. С трудом, чужим, непослушным голосом я выдавливаю из себя:

– Алло ..., – выдох.

– Хэлло, Серж, – бодренький, взвинченно-веселый голос.

Я окончательно возвращаюсь к действительности. Однако, ну и контраст! ... Это Билл, то есть, конечно, Игореша. Почему только к нему прилипло это идиотское...

– А-м-м – это ты. Привет акулам пера.

– Что это с тобой? Так тяжело дышишь. Может, ты с женщиной спал? И я тебя снял горяченького, на самом интересном...

– Не болтай глупости.

– А, значит...

– Ты разбудил меня. Я видел какую-то гадость. Еле продрал глаза, думал, что задохнусь.

– О! Кошмары мучают! Сколько раз я тебе говорил – не следует на ночь накачиваться «Курвуазье».

– Окстись! Какой на фиг «Курвуазье»? Ты еще скажи «Хеннеси» или «Реми Мартен».

Мне стало смешно.

– У меня нет таких бабок, чтоб упиваться французскими коньяками. Да и когда?

– Wow! Это у тебя-то нет бабок? А у кого тогда они вообще есть? Ты ж вроде бизнюк!

Я почувствовал прилив раздражения. Опять он за свое...

– Послушай, представитель свободной прессы. Сколько раз тебе можно объяснять, что бизнесмен – это тот, кто пашет, как папа Карло 12 часов в сутки, а если надо, то и 24, а не сидит в офисе в окружении факсов, сейфов и длинноногих секретарш и не шляется по презентациям, выжирая там «Мартини» и «Джонни Уокер».

– Эка как тебя проняло! Ты еще скажи, что ты пролетарий.

– Ага. Умственного труда.

Билл хихикнул.

– Но ассортимент-то ты, как я погляжу, знаешь неплохо, – съязвил он. – И он какой-то не пролетарский. Или как?

– Это так, общая эрудиция.

– А, ну-ну. Аскет ты наш! И что ж ты видел во сне? Женщину с фосфорическими глазами, которая превращается в змею? Кажется, у тебя когда-то было что-то такое.

– У тебя везде бабы.

– Вай, как нехорошо! Я и забыл, что говорю со святым отшельником, пустынником. Что ж ты, божий человек, о женщинах совсем не думаешь? Поди, одни могилы с крестами на уме?

Я почувствовал, как меня пробирает холод. Сон, оказывается, еще меня не отпустил.

– Что звонишь? Обычное утреннее недержание или дело какое?

Тишина в трубке.

– Что молчишь?

– Да вот думаю, обижаться на тебя или нет? За «недержание»?

– Не обижаться. Это научный факт.

Билл расхохотался.

– Ладно, проехали. Дело-то есть. Оччень даже неплохое. Думаю, тебе понравится. Отвлечешься от дум тяжких. И, кстати, насчет женщин...

– Не тяни. Что там у тебя?

– Предлагается небольшая туса на лоне природы, так сказать. Птички поют, ну, в общем... И все такое прочее.

– Пикник в лесу? Извини, но погода...

– Не бойся, – Билл засмеялся. – Знаю я тебя! Ты у нас любишь комфорт. Ну, так этого добра будет достаточно.

– Не понял. О чем речь?

– Тут один кекс, Славик, – да ты ж его знаешь! – короче, отгрохал себе коттедж, так приглашает на новоселье; ну, жарка, девочки, все такое, несколько дней, может, четыре или даже пять. Халява, в общем, – санаторно-курортное лечение.

Я вспомнил этого Славика. Не могу сказать, чтобы я знал его хорошо, но такие-сякие контакты у нас были. Бизнесмен, представитель французской фирмы. Деньги, и, судя по всему, не малые, у него водились. Как-то раз он окликнул меня на улице – когда я обернулся, то увидел его вылезавшим из вишневого BMW. Я сразу обратил внимание, что машина совсем новая.

– Где это?

– Километров 30 от города. Всего ничего. У лесочка, даже пруд выкопали. Бабки у него нехилые.

– Пруд? С лебедями, или, может, с фламинго? Павлины в парке и ручная пума?

– Ну-ну, зависть гложет. Тебе как-то не к лицу, ты ж у нас отшельник, святой человек. А зависть же смертный грех. Смотри, не попадешь ты в святые. Там конкуренция ой-ей-ей!

Пока Билл трепался, я быстро все обдумал. Лето, у меня передышка, никаких особо срочных дел как будто не на-

мечалось. Выпивка – бог с ней, но пожрать, как следует, да еще на лоне природы... Правда, погода не ахти, но, в конце концов... Потом, девочки... а почему бы и нет? Четыре-пять дней на полном пансионе. А там видно будет – где пять, там и неделя. Такое дело...

– Хорошо, я еду. Святые тоже люди. Не все коту пост, нужна и масленица.

– Опаньки! Я так и думал. И правильно, не пожалеешь. Вижу, барометр пошел на подъем. И все моими трудами. А ты, неблагодарная бяка, еще и обзываешься!

– Я – благодарная бяка. Поэтому спешу сообщить: молодец, хороший мальчик. На том свете тебе зачтется.

– Ну, с этим я не тороплюсь.

– Да-да, само собой. Когда едем?

– А едем мы, *mon ami*², послезавтра. Так по-утряне и попилим, да не на своих двоих, а с ветерком, на би-би.

– Как, уже послезавтра?

– А что? Какие проблемы? Надо срочно ликвидировать дела, написать завешание, прощальный привет родным?

Меня покорило. Терпеть не могу подобных разговоров. Может, это суеверие, но мне всегда в таких случаях делается как-то не по себе.

² Друг мой (фр.)

– Не мели чепухи.

– Что-то я сегодня у тебя одну чепуху мелю. Или как? Или куда?

Я почувствовал укол стыда.

– Не обижайся, дружище, – сказал я как можно сердечнее, – Не люблю я таких разговоров.

– Ну-ну, ладно, ладно. Я не в обиде. Черт с тобой. Но уж больно ты суеверный, перекреститься не забудь и скажи «Свят! Свят!» Ладно, короче, я тебе звякну завтра вечерком, лады?

– Лады. Позвони часов в десять, о'кей?

– О'кей! Готовься, студент. Только слишком много вещей не набирай. Пировать едем. Так что банки с тушенкой из НЗ отменяются. Извини, тороплюсь, надо бежать. Так что, пока, до завтра.

– До завтра. Мерси за приглашение.

– Не за что. Бывай!

– Бывай!

Я повесил трубку. Странно, но меня это приглашение как будто не сильно и обрадовало. В другой раз я был бы еще как доволен, ведь это, в сущности, то, чего я бы и хотел, но... Странно. Какая-то пустота внутри и, как бы это сказать, словно *червоточина*.

Впрочем, это все, наверное, тот сон. *Медленно спускаюсь*

все ниже и ниже по крутой, мрачной лестнице... Тьфу, чертовщина какая-то!

Я тряхнул головой, сбрасывая наваждение, поднялся с кресла и пошел варить кофе.

Глава 2: «ЗНАЧОК ИЗ СТАРИННОЙ БРОНЗЫ»

Целый день я был занят делами, так что у меня не было даже времени подумать о предстоящей поездке. Отпуск отпуском, но дел, как ни удивительно, набралось порядком. Не раз и не два за день пришлось мне смотреть на часы. Дела, дела, текучка, которая постоянно засасывает. Да, безусловно, необходим отдых, перемена обстановки. К тому же, новые знакомства, которые, как знать, могут оказаться очень полезными. Что же касается флирта... Нет, это не было по моей части, хотя... Впрочем, нет.

С юности, еще со школьной скамьи у меня ничего не ладилось с прекрасной половиной человечества. Другое дело Билл. Тот, напротив, имел потрясающий успех. Выбор у него был всегда, и немалый. Он был постоянно в центре внимания, этот предмет тайных вздыханий наших Джульетт. Вокруг него плелись яростные интриги классного и внеклассного масштаба, именно из-за него по большей части разыгрывались душещипательные драмы в духе «чувствительных» романов, и не одно сердце разбилось на мелкие кусочки, как большая стеклянная колба, опять-таки по его милости.

Отблеск его успеха падал и на меня. Я как бы присутствовал при развитии его романов, причем иногда – в самом бук-

вальном смысле этого слова. Что привлекло его во мне? Почему мы сдружились? Возможно, ему был необходим такой верный оруженосец, наперсник, которому можно поверять тайны своего сердца? Впрочем, думаю, все было куда проще и банальней: ему нужен был кто-то, перед кем он мог бы покрасоваться, покуражиться, похвалиться своими амурными успехами, причем, этот кто-то не должен был быть ему конкурентом, хотя бы потенциальным. Я подходил для этой роли идеально. Ко мне он никогда не ревновал своих подружек. Не знаю уж, почему так получалось, но я не привлекал их внимания, и если бы кто сказал Биллу, что мы можем оказаться соперниками, он бы просто рассмеялся, как он умел, — грубо, со своеобразным циничным шиком. Но все же однажды это случилось.

Элла /так я буду ее называть/ появилась в нашем классе лишь за два года до окончания школы. Она была крупной, красивой брюнеткой с роскошными, пышными волосами. К тому же она была умна и не лезла за словом в карман. Не удивительно, что многие ребята были от нее без ума. Не трудно сообразить, что прямо противоположные чувства она вызвала у наших милых дам. Те просто готовы были разорвать ее на клочки, и, дай им волю, наверное, так бы и сделали. Излишне говорить, что я тоже влюбился в нее по самые уши. Но что было уж совершенно удивительно, так это то, что она явно замечала меня. Сначала я не мог в это поверить. Мне все казалось, что я ошибаюсь, принимаю же-

лаемое за действительное, но со временем я стал все больше в этом убеждаться. Лишь чуть позже я сообразил: она ведь появилась в нашем классе только сейчас и, конечно, не могла знать, какая за мной закрепилась репутация, и потому была непредвзята. Впрочем, в конце концов, все вернулось на круги своя, но я забегаю вперед...

А тогда... Тогда я был счастлив и в то же время немало смущен – я чувствовал, что тут что-то не так, но против фактов идти было трудно, и я поверил.

Это была моя первая любовь. Я ходил все время, как пьяный, и вообще я смутно помню, чем я занимался в то время. Помню только, что от переизбытка чувств я стал писать стихи, причем все больше какие-то сумрачные, не отвечавшие моему тогдашнему настроению. Больше того, я даже сочинил целую поэму, правда, она была совсем не длинной, но все же была, раза в три длиннее прочих моих опусов. Называлась она «Исповедь». Как сейчас помню ее начало:

Мое сердце разбилось о стены
Крепости, которая называется «Ты».
Оно пробито тысячью пуль
Мелких обид и больших ударов.
Не отбрасывай только его прочь!
Не наступай на него,
Оно еще не умерло.

И дальше в таком же роде. Наверное, подобное состояние не повторяется больше никогда. Мы ходили с ней в кино, я провожал ее домой, и мы вели долгие доверительные беседы на самые разные темы. Помнится, я даже рассказывал ей о звездах – с детства я увлекался астрономией. Слушала она на удивление внимательно, никогда не перебивала, и я начинал верить в то, что это все ей безумно интересно. Меня прямо распирало от гордости. Поэтому ничего странного не было в том, что мне захотелось поделиться своими успехами с Биллом, поменяться с ним ролями. А как же! И я чего-нибудь стою! Билл воспринял мои откровения на удивление спокойно, улыбался и по-дружески фамильярно подкалывал меня. Впрочем, это была его обычная манера. Мне казалось, что он в душе адски завидует мне, но, конечно, всячески старается этого не показать. «Знаешь, я не люблю брюнеток», – сказал он.

Прозрение наступило спустя полгода. Произошло это совершенно случайно. Я шел как-то вечером по городу, не помню уже, куда и зачем, как вдруг я заметил... Впрочем, можно без труда догадаться, что я заметил. Конечно, они шли в обнимку и ворковали, как голубки. В глазах у меня потемнело, мне казалось, что я готов совершить что-нибудь невообразимое. Тысяча дьяволов возопила во мне. Я никак не мог решить, что же предпринять, как неожиданно они заметили меня. Последовала немая сцена. Помню, Билл был здорово смущен, ему было явно не по себе. На Эллу я да-

же не стал смотреть. Столбняк длился каких-нибудь секунд тридцать, не больше, после чего я резко повернулся и пошел прочь. Не помню, как я пришел домой. В голове проносились всевозможные планы мщения, один страшнее другого. В конце концов, так ничего и не придумав, совершенно измученный, я заснул.

А утром я проснулся со свежей головой и, как ни странно, посмотрел на все гораздо спокойнее. Я вспомнил свои вчерашние страшные планы отмщения, и мне стало смешно. На память пришел Чеховский «Мститель» – история обманутого мужа, который, желая отомстить за то, что ему наставили рога, бросается в оружейный магазин и долго выбирает там оружие, постепенно перебирая в уме все мыслимые варианты мести и их возможные последствия, и, в конце концов, поостыв, останавливает свой выбор на сачке для ловли бабочек. Помню, я долго смеялся. Наверное, это был истерический смех, но он освободил меня, очистил и вернул к жизни. Тогда-то, должно быть, впервые я почувствовал волшебную силу искусства.

Тем же утром ко мне пришел Билл. Он чувствовал себя страшно неловко и как-то «зажато». Ситуация была для него явно непривычной. Могу представить себе, как нелегко дался ему этот визит. Но он пришел, и это было главное. Ему было бы куда проще, если бы он знал о моем утреннем катарсисе³. Но, конечно, он этого знать не мог. Я понял, что

³ Катарсис – букв. «очищение» (греч.) – в эстетике Аристотеля очищение души

должен прийти ему на помощь и, положив руку ему на плечо, просто сказал:

– Не надо слов, сэр. Все нормально. Я ее не люблю.

Он все еще с подозрением, не смея верить своим ушам, косился на меня, и тогда я повторил, четко артикулируя звуки.

– Я е е н е л ю б л ю.

Все же эти слова дались мне не так легко, как мне бы хотелось.

* * *

Почему я вспомнил об этом? Мне казалось, что все это похоронено под толстым-толстым слоем новых, куда более свежих воспоминаний. Но образы были почему-то необычайно, прямо-таки н е е с т е с т в е н н о яркими и живыми. Может быть, я становлюсь сентиментальным, чувствую приближение старости, или ...? Нет, тут что-то другое. Помимо воли я чувствовал какую-то тревогу. Она гнездилась где-то в самой глубине сознания, она была неясной, смутной и, ... черт возьми! – совершенно необъяснимой. Что-то у меня начали

через страдание.

сдавать нервы – это никуда не годится. Нет, на природу! Подальше от этого городского шума, дыма и печальных воспоминаний. Пора заняться сборами.

В течение полутора часов я методически, стараясь не забыть никакой мелочи, собирал свой небольшой чемоданчик. Я человек неприхотливый и легкий на подъем. Полагаю, Билл сильно переоценивает мою тягу к комфорту. Зубная щетка, мыло, полотенца, несколько смен белья – что еще нужно человеку, не обремененному семьей? Ехать я решил в строгом темно-сером костюме, а на смену захватить вещи, которые я называю «полевой формой» – на случай пикников в лесу. Вообще-то я не люблю слишком выделяться – это всегда представляется мне вульгарным, но в такой компании... Кто там будет? Девочки меня мало интересовали, но мужская часть общества – это другое дело. Эти люди могут оказаться нужными для моего бизнеса, возможно, потенциальными деловыми партнерами. На них нужно произвести впечатление. Эту публику я хорошо знал они не из тех, у кого я могу вызвать интерес своей эрудицией, особенно в области астрономии. Здесь нужно что-то другое. Но что? И тут взгляд мой упал на значок, лежавший за стеклом на книжной полке.

В принципе, я никогда серьезно не собирал значки, но все же небольшая коллекция у меня была. Значок, который привлек мое внимание, я купил с рук на рынке у одного старика довольно задрипанного вида. Было это давно, кажет-

ся, еще тогда, когда я учился в университете. Чем он так привлек меня? Я отодвинул стекло и взял значок в руки: это был кружок из старой, потускневшей от времени бронзы. В круге был помещен равносторонний треугольник, а в нем изображен, как мне казалось, сильно стилизованный глаз с расходящимися от него какими-то странными зигзагами. Нигде и никогда я не видел больше ничего подобного. Правда, глаз с лучами изображен на однодолларовой банкноте, но это было совершенно не похоже. Это вообще, можно сказать, было ни на что не похоже.

Помню, я пытался расспросить деда о том, где он это взял, но не добился толку. Никакой булавки или заколки к этому значку не полагалось, и, пожалуй, скорее это был не значок, а какой-то жетон или даже монета, хотя таких странных монет никто, я думаю, не чеканил. По моей просьбе один из моих друзей приделал к нему булавку, после чего он превратился в настоящий значок. Что означало это изображение, я так и не смог выяснить, хотя и предпринял разыскания в этом направлении. Но, во всяком случае, это смотрелось достаточно необычно и даже таинственно, так как могло обратить на себя внимание и стать, таким образом, отправной точкой для разговора. Только надо будет придумать этой эмблеме какую-нибудь легенду, И я решил нацепить значок на лацкан моего пиджака.

Глава 3: УСАДЬБА У ОЗЕРА

Удивительное умиротворение снизошло на меня. Тихая, светлая радость наполняла душу. Я чувствовал себя на редкость бодрым, полным сил, каким я не мог припомнить себя на протяжении последних нескольких лет. В довершение всего, я ощущал поразительную ясность ума.

Я стоял на опушке леса. Вековые сосны шумели вокруг меня, зелень кленов была уже кое-где подернута желтизной, а ивы склоняли свои гибкие ветви прямо к воде, и я слышал их легкий, мелодичный шелест. Озеро лежало передо мной, почти неподвижное, и только чуть заметная рябь время от времени пробегала по зеркалу его вод, в котором отражались медленно плывущие облака. Трудно сказать почему, но озеро казалось очень глубоким, быть может, даже бездонным. Темная, насыщенная синева воды с восхитительной гармоничностью оттенялась густой зеленью леса. Озеро было почти идеально круглым, и только в одном месте, на дальней от меня стороне, был виден узкий залив, берега которого поросли ольхой, а чуть выше по косогору, до половины скрытый аллеей пирамидальных тополей, стоял дом. Это была милая деревенская усадьба, построенная надежно и крепко, убежище мира и уюта. Главный дом был кирпичным, двухэтажным, в центральной части его фасада был расположен портик с четырьмя колоннами, а немного в стороне,

совсем недалеко от залива, стоял зеленый деревянный флигель, кровля которого, высокая, почти конической формы, была увенчана странным знаком. Чем больше я всматривался в этот знак, тем больше он казался мне знакомым, но где именно я его видел, я не мог вспомнить.

Весь я был исполнен ожидания, и по мере того, как время шло, во мне стало нарастать нетерпение. Я чувствовал какое-то непонятное напряжение, словно я не знал, чем может обернуться для меня то, чего я ждал. Я снова перевел взгляд на флигель, и как-то незаметно, исподволь во мне зашевелилась тревога. Неожиданно я заметил, что стены флигеля, густо оплетенные диким виноградом, как бы померкли и потеряли четкость очертаний. Странная слабая, но вполне заметная желтоватая дымка словно окутала его. Я ощутил холод внутри, и сердце сжалось от щемящей тоски. Губы мои задрожали, на глаза навернулись слезы, но наваждение длилось не долго: желтоватый туман, похожий на разреженные пары хлора, рассеялся, и воздух вновь обрел свою прозрачность.

И тогда я увидел человеческую фигуру, быстро приближавшуюся ко мне. Это была девушка в белом платье и с венком из полевых цветов в волосах. Она спускалась по косогору от флигеля по направлению к заливу. В руке она держала пожелтевший кленовый лист. На минуту она скрылась за поворотом дороги, но вскоре появилась вновь, уже на самом берегу, остановилась и стала с нетерпением посматри-

вать по сторонам, нервно вертя листок и явно ожидая кого-то.

Меня переполняла трепетная нежность, всем своим существом, всеми фибрами своей души я испытывал непреодолимую тягу к ней, но в то же самое время что-то удерживало меня, не давая сделать ни одного движения. Внутренний голос словно нашептывал мне: «Ты не должен, ты не имеешь права, разве ты не видишь?» Все же влечение мое было очень сильно, и я уже готов был сбросить оцепенение и покинуть свое убежище, как вдруг в мозгу буквально взорвался громкий, резкий голос, властный, но проникнутый неизбывной печалью. «Безумец! Разве ты не видишь?! Разве ты не видишь, что это – не она?» В отчаянии, неподвижно, как в столбняке, я стоял, опершись о дерево, и смотрел на нее.

Она была очень красива, несмотря на невысокий рост: удивительно светлая кожа, белая, почти как бумага, высокий мраморный лоб и огромные ослепительно голубые глаза, похожие на то озеро, что расстилалось у ее ног. Светло-русые волосы волнами спускались на плечи. Она все ходила по берегу, в нетерпении осматриваясь по сторонам, но неожиданно остановилась и застонала.

И тогда я заметил изменения. На лицо ее словно набежала тень, а глаза потускнели, помутнели, и цвет их изменился: из небесно-голубых они превратились в серые, а затем в какие-то неестественно зеленые, внезапно засиявшие ярким, переливающимся огнем. И вот уже они стали набухать, взду-

ваться, вылезая из своих орбит, готовые вот-вот лопнуть. Неожиданно на прекрасном мраморном лбу образовалась черная трещина, которая стремительно зазмеилась вниз, через все лицо, отпочковывая от себя по сторонам другие трещины, которые в свою очередь ветвились дальше, иссекая белоснежную кожу. Но и сама кожа изменила свой вид: она сначала пожелтела, затем стала бурой и морщинистой, как у древней старухи, а потом стала просто расплзаться и лопаться, исторгая отвратительный желтоватый гной. Темная пузырящаяся масса, вся в красных прожилках, полезла из-под треснувших костей черепа, издавая мерзкое бульканье, подобно закипевшей каше; и тогда страшные, распухшие, покрытые шершавой коркой глаза вдруг лопнули с оглушительным хлопком и выбросили из себя брызги гноя и какие-то красные, влажные хлопья, похожие на рваные клочья мяса, которые, медленно кружась, стали оседать на землю. Одурающая, невыносимая вонь, вонь протухшей, наполовину сгнившей плоти распространилась в воздухе. О! Эта вонь! Я узнал ее.

Острая, как нож, жестокая боль пронзила мой желудок, и я согнулся пополам; долгий, выворачивающий наизнанку спазм встряхнул меня, и липкая тошнота подступила к самому горлу...

* * *

Я лежал, согнувшись почти вдвое на горячих скомканных простынях. Мои ноги и руки казались мне ледяными, и весь я был покрыт испариной. Меня душила неудержимая рвота.

Освободившись от своего бремени в туалете и кое-как приведя себя в порядок, я на ватных, дрожащих от слабости ногах доплелся до кухни и выпил рюмку коньяка. По странному совпадению это был именно «Курвуазье», початая бутылка которого уже довольно давно стояла у меня в баре. Принять снотворное я не решился – завтра, а впрочем, уже сегодня, надо было рано вставать. Я посмотрел на часы – половина третьего.

– Нет, определенно, так не пойдет, – сказал я себе, – если это будет продолжаться, можно и с катушек съехать. Отсюда уже недалеко и до дурдома. Явно нужно сходить к невропатологу. А, может, уже к психиатру?

Мысль о психиатре не вдохновила меня. Я словно бы слышал голоса:

– Ах, такой молодой, и уже... Какая жалость! Такой милый молодой человек! Такой подающий надежды бизнесмен, и вот... Что ж вы хотели? Так заработался! По двенадцать

часов в день.

– Может быть, я, в самом деле, перегрел мотор? Сгорели какие-то проводки, короткое замыкание? Надо отдохнуть, выбраться на свежий воздух. Слава Богу, утром я еду. Треп, суета, новая обстановка. Это должно сработать. Ничего, милостивый государь, старому мотору надо поостыть; небольшое техобслуживание, смазка, и все будет о'кей.

Однако, я не чувствовал особой уверенности в такой от-
радной перспективе. Сон не шел у меня из головы. Что-то там не так, определенно, не так, но что? Этот желтоватый туман, похожий на пары хлора, такой же, как и в первом сне, и запах, да-да, запах. Тот же, только еще сильнее. И как все было естественно! Как на хорошем видео. И звуки: треск цикад в лесу, шелест листвы. Обычно я не помню своих снов, но в этот раз... Я помню все совершенно отчетливо, в деталях, у меня полная иллюзия присутствия. Хотя я читал о том, что сны могут быть на редкость натуральными, может быть, даже более натуральными, чем явь. Но, Боже, какая пакость! Какого черта она лезет мне в голову? И потом, было там что-то еще, что – то очень странное.

Однако вспомнить мне ничего больше не удалось. Не без трепета я вновь отправился спать – вот что значит отпустить нервы! Но верный коньяк и на этот раз не подвел: я быстро заснул и спокойно проспал до того самого момента, когда

запикал мой будильник в наручных часах. Никаких сновидений я больше не видел, во всяком случае, проснувшись, я ничего не смог припомнить.

Глава 4: ДЕЖА ВЮ

В восемь утра, как штык, я был на условленном месте. Билл уже поджидал меня. Как он и обещал, ехать нам предстояло на автомобиле – он тут же познакомил меня с хозяином машины – крепко сколоченным белообрысым парнем, который оказался одним из его знакомых. Мама назвала его Кешей, хотя представлялся он для пущей солидности Иннокентием. У него были довольно длинные, совершенно прямые волосы, которые, как плети, висели по обеим сторонам головы, образуя популярную когда-то прическу, известную под названием «ночной горшок». Под глазами у него обозначились характерные мешки, которые наводили на мысль об алкоголизме в начальной стадии, а посреди лба залегла борозда, которая, думается мне, образовалась если, и от большого напряжения, то уж никак не интеллектуального, что подтверждалось и его репликами. Мои худшие опасения начали оправдываться, и я многозначительно посмотрел на Билла, кисло улыбнувшись при этом. В ответ он только загадочно ухмыльнулся, давая понять, что у него что-то есть в запасе.

То, что оказалось в запасе у Билла, не вызвало у меня никакого удивления: как и следовало ожидать, это была женщина. Вернее, это была, девушка – высокая стройная брюнетка с шикарными пышными волосами.

– Жанна, – представилась она.

Я пожал ей руку, назвав себя и отпустив несколько приличествующих случаю дежурных комплиментов. Подобные «домашние заготовки» имеются у меня на все случаи жизни.

– Видишь ли, Жанночка, – выдрючивался Билл, – Серж – мой старый соратник, древний, как череп бронтозавра. Сколько шнапса мы уничтожили с ним вместе! И всегда стояли плечом к плечу. Золотые были деньки!

В общем, пошел обычный для Билла в таких случаях словесный понос. Я давно уже к этому привык и научился не обращать на эту трепологию никакого внимания. Но сегодня мне все это почему-то показалось ужасно банальным, плоским и, я бы сказал, каким-то чертовски н е у м е с т н ы м. Почему? Шут его знает, но я вдруг почувствовал себя как-то отчужденно, что ли, словно я смотрю на все это, как сторонний наблюдатель. Я чувствовал, как во мне растет раздражение.

– Что ты, Жанночка, – не унимался Билл, – это все, как сказал поэт, «преданья старины глубокой». Ныне он оставил дела сего грешного мира и денно и ночью пребывает в посте и медитации. В скорости ожидается причисление его к лику святых.

Ей-богу, не человек, а какой-то граммофон. Со стороны все это выглядело глупо и комично: 36-летний мужик с уже обозначившимся брюшком, дочь уже школьница, увивается за девчонкой лет восемнадцати. О чем он может ей рассказать? О том, как жена выперла его из дома потому, что он вечно волочился за юбками? Неужели он не видит, что похож на паяца?

Жанна неуверенно похихикивала, пытаясь подыграть ему. Видно было, что она чувствовала себя неловко. Где он ее откопал, хотел бы я знать?

– Будет тебе, Иерихонская труба, – сказал я. – Пора трогаться, а то наш друг Иннокентий, поди, заждался. Заржавеет «Кадиллак» от долгого простоя.

Никакой реакции со стороны Кеши не последовало. У меня создалось впечатление, что с таким же успехом можно разговаривать с афишной тумбой, хотя, как знать? Может быть, он предавался интенсивной умственной деятельности, пытаясь сообразить, что такое «Иерихонская труба». Я уже мысленно представлял себе «веселую» поездочку с этим блестящим наследником славных традиций индейца Чингачгукка – тот, как известно, тоже не отличался чрезмерной болтливостью. Зато Билл говорил за пятерых. Перспектива ехать в обществе флиртующего Дон Жуана и глухонемого не вызвала у меня слишком большого энтузиазма.

«Кадиллак» оказался «Опелем» – подержанным и явно купленным подешевке.

В машине Билл, должно быть, подустав от непрерывного словоизвержения, решил взять паузу и выпустить на арену меня.

– Серж, – сказал он, обращаясь к Жанне, (Кешу, угрюмо вцепившегося в рулевое колесо, он, похоже, воспринимал как деталь внутренней отделки салона) – выдающаяся личность. Ты не смотри, что он такой немногословный. Это от скромности. О нем статьи, да что там! – книги надо писать. В свое время он крутил большие дела в Политехе! Он там такое выделял! Ты только послушай. Помнишь, – Билл выжидающе уставился на меня, – ту дикую историю с голой девкой, вывешенной из окна? Как ты все разрулил! Это было что-то! Одно слово – Маэстро!

Бедняга! Видимо, он настолько утомился и так отчаянно нуждался в моей поддержке, что начал грубо льстить.

– Ой, расскажите, пожалуйста, – попросила Жанна – как, несомненно, и рассчитывал Билл.

История эта давно уже стала в нашем кругу притчей во языцех, и всегда, когда мне – Бог весть в который раз – приходилось ее рассказывать, я чувствовал себя рабом, прикованным к веслу на галере. Я уже хотел было послать Бил-

ла далеко «по инстанциям», но взглянул на Жанну, и мне стало его жалко. Что ж? Как говорил один умный человек, «дружба – понятие круглосуточное». Цирк, так цирк! Бим может отдохнуть – Бом будет работать с публикой. Вздохнув, я приступил к своему номеру.

«Было это давно, как сейчас помню – где-то не то в конце юрского, не то в начале мелового периода – хотя точно не скажу, память уже не та – но велоцирапторы и тираннозавры, кажется, еще не вымерли. Впрочем, это несущественно».

Жанна хихикнула и взглянула на Билла. Тот в ответ ухмыльнулся «со значением», мол, то ли еще будет! Кеша продолжал изображать «Иван Иваныча» – так в обиходе называют манекен, который используется при испытаниях новых моделей автомобилей. О Боже, та еще аудитория! Обычно в этом месте реакция была более живой. Но надо было продолжать. Я вновь нажал на Play.

– Короче, я был тогда молодой и красивый, – сказал я, решив отбросить «кружева».

– Вы и сейчас еще очень ничего, – заметила Жанна.

– Я тронут Вашим человеколюбием.

– Нет, я честно, – поспешила заверить Жанна.

Билл поднял глаза к лампочке на плафоне, с редким мастерством играя садовый шланг.

– Не сомневаюсь, – успокоил я Жанну. – Но в те далекие времена туманной юности я еще вызывал не только большое человеческое сочувствие, но порой и некоторые другие эмоции и работал в одном очень странном месте...

– Но Игорь сказал, что Вы работали в Политехе..., – смущенно проговорила Жанна.

– Это святая правда, – подтвердил я. – И это очень странное место, поверьте. Возможно, Вам это станет понятнее, если я скажу, что я служил в отделе, занимавшемся иностранными студентами – у нас их было много.

И вот, в один не очень прекрасный день, сразу после обеденного перерыва, в нашей комнате раздался телефонный звонок. В сыто-благодарном настроении я снял трубку. Однако то, что я услышал, заставило меня поперхнуться. Из сбивчивых слов капитана милиции я понял только, что в одном из наших дальних общежитий (а они у нас раскинулись по всему городу) происходит нечто, мягко говоря, из ряда вон выходящее.

А дело оказалось в том, что один наш студент-араб (не важно из какой страны) выдвинул в окно шестого этажа «общаги» абсолютно голую девушку – советскую студентку из нашей же альма-матер.⁴

– Какой матери? – переспросила Жанна.

Билл заржал.

– Такой-то матери, – с трудом проговорил он сквозь хохот.

⁴ От лат. Alma mater – родной ВУЗ (букв. «кормящая мать»).

Кеша издал некий утробный звук, по-видимому, долженствующий означать смех.

Жанна смутилась, но Билл приобнял ее правой рукой и, чмокнув в щечку, завопил:

– Ах, ты моя прелесть. Я тебя обожаю!

– Короче, эта девица была студенткой нашего же славного ВУЗа, – пояснил я Жанне (и, надо полагать, Кеше), вновь перехватывая нить разговора. – Это латинское выражение, оно значит «кормящая мать».

– То есть, ВУЗ – это вроде мамочки родной, так что ли? – спросила Жанна.

– Именно так.

– Ну, это точно не про наш институт, – заметила она с сарказмом зрелой, битой жизнью женщины.

Мне стало жаль девчонку.

– Не бери в голову, – сказал я. – Я просто выделяюсь.

– У Вас клево получается, – польстила мне Жанна.

– О! – не удержался Билл. – Ышо как!

– А это, ну то, что вы рассказываете, это, правда, было?

– Да, – ответил я. – Это действительно было. И это смешней всего.

– А что было дальше?

– А дальше – самое интересное. Высунувшись из окна, араб держал девушку за ноги, вниз головой. При этом он время от времени кричал: «Сейчас я ее отпущу!» Именно такую картинку я застал, приехав туда, от имени отдела.

Диспозиция, то есть, положение сторон перед сражением, была вкратце такова: изнутри парень забаррикадировался, внизу стояло три милицейских машины: два Уазика и «Волга». С арабом пытались вести переговоры через дверь, но бесполезно. Его друг и земляк объяснил, что он приревновал свою подружку, и теперь у него «кровь кипит». После краткой беседы с земляком и небольшого совещания с милиционерами, я пошел на шестой этаж вести переговоры. Несколько ребят в форме пошли со мной. Вооружившись несколькими цитатами из Корана, призывающими к умеренности, я начал его увещевать, периодически используя также случайно запомнившиеся мне арабские фразы, надо признаться, не всегда относящиеся к делу.

Видя, что никакого движения не наблюдается, я в отчаянии прочел ему по-арабски «Фатиху»⁵. Так называется первая сура, то есть, глава Корана.

– «Фатиха» – это женское имя?

– Нет. Женское имя – Фатима. А «Фатиха» означает в переводе «Открывающая» – это потому, что она – первая.

– И вы помните всю главу наизусть? – изумилась Жанна.

Она явно увлеклась рассказом. Билл сидел, благодушно улыбаясь, всем своим видом как бы говоря: молоток, Бом, не подкачал.

Ну вот, отдувайся тут, понимаешь, за этого Дон-Жуана.

– Да, я помню, – улыбнулся я. – Всю главу целиком. Но это

⁵ Букв. «Открывающая» – первая, короткая сура (глава) Корана.

не трудно. Дело в том, что она совсем короткая – всего семь аятов, то есть, «стихов». Это вроде нашего «Отче наш», только мусульманского. А потом я продекламировал и еще одну суру – «Аль Кафирин»⁶, что означает «Неверные». Она еще короче. Там говорится, что мусульмане не должны подражать неверным и не должны делать всякие гнусности.

В заключение я процитировал известную формулу: «Аузу би-л-лахи мин аш-шайтан ар-раджим».⁷ Это значит: «К Аллаху прибегаю от шайтана, побиваемого камнями».

– В смысле – «держись от шайтана подальше», так?

– Типа того. Точнее, не следуй наущениям шайтана, а держись поближе к Аллаху и его словам, то есть, к Корану.

– А почему шайтана побивают камнями?

Билл вновь сграбастал Жанну и, как всегда, громко возгласил:

– А потому, моя радость, что он – редиска. А редисок на Востоке полагается забрасывать камнями.

– Ой, ну, Игорек, – раздраженно заерзала девушка, – дай поговорить с человеком!

– А я что, – деланно обиделся Билл, – уже и не человек?

– Но ты же сам говорил, что ты – Принц-Железный Член с Альфы Центавра, – припечатала Жанна.

Ну вот – получай, фашист, гранату.

Кеша жизнерадостно засмеялся.

⁶ «Неверные» – 109, также короткая, сура Корана

⁷ «К Аллаху прибегаю от шайтана, побиваемого камнями» (араб.)

Что до меня, то я ни на минуту не усомнился в точности этой «цитаты» – это было очень похоже на Билла. Пожалуй, был в этом даже своего рода «фирменный стиль», но вряд ли в данном конкретном случае автору доставило удовольствие такое цитирование.

У «Игорька» отвалилась челюсть. Впрочем, надо сказать к его чести, ненадолго – он быстро пришел в себя и вновь обрел свой обычный кураж.

– Но ведь, милая, – сказал он, обращаясь к Жанне, которая стала просто пунцовой от стыда и наверняка сожалела о своей несдержанности. – Я доверил тебе эту информацию под строгим секретом. Это была наша тайна. Теперь я раскрыт, миссия провалена. А я ведь нарушил строжайшую инструкцию – не вступать в тесный контакт с аборигенами. На родной Альфе Центавра меня теперь ждет трибунал. Придется стать невозвращенцем.

И Билл прильнул к соблазнительной груди Жанны.

Да, силен! Ничем его не проберешь.

– Может, попросим дядю Сережу рассказать, что было дальше? – спросил он.

– Ой, конечно! Мне очень хочется узнать, чем все кончилось, – с энтузиазмом поддержала Жанна, с благодарностью хватаясь за спасательный круг, брошенный ей Биллом.

Что ж? Дядя Сережа «всегда готов». И я продолжил:

«Ну вот, начал я арабу, значит, мозги вправлять через

дверь. Мужики смотрели на меня с беспокойством. Но вдруг откуда-то с улицы слышались крики, один из ребят побежал смотреть. Потом орет: «Он ее втянул!». Через минуту дверь отворилась.

Араба, конечно, повязали, хотя и с осторожностью, что же касается девушки, то она была в полубессознательном состоянии. Впрочем, меня это уже не занимало, я и так малость перегрелся. И только потом, уже в отделении милиции, где мне пришлось давать не только свидетельские показания, но и объяснения по поводу этого типа (которого я, кстати, неплохо знал), составлявший протокол старлей в штатском, печатая двумя пальцами на машинке, несколько озадаченно спросил меня: «Нет, я понимаю, *наша* работа... но никогда не думал... Слушай, мужик, как ты это все выдержишь? Так ведь и съехать можно». Мне оставалось лишь грустно улыбнуться и пожать плечами. На следующий день за все это я получил отгул...»

– И вас никак не наградили за это? – удивилась Жанна.

Нет, все-таки она еще недостаточно хорошо знала жизнь...

– С какой стати? – спросил я.

– Но ведь Вы человеку жизнь спасли – я хочу сказать, той девушке! – возмутилась Жанна. – Или не так?

– Так, – подтвердил я. – И что с того? Думаете, мне за это должны были дать Героя Советского Союза?

– Нет, ну хотя бы что-то...

– Например? Медаль «За спасение от психа»? Так не было в СССР такой медали.

– Но премию-то могли же дать!

– Разбежались! Мне и положенного-то не доплачивали. Вообще-то ведь как? Если начальство напортачило, то виноват подчиненный. А если подчиненный добился успеха, то это – заслуга начальства. Даже если начальство село в лужу. Так, и только так. Ныне, присно и вовеки веков! Аминь! Так, что мне еще повезло, что не вlepили выговор.

Комментарий Жанны был краток:

– Свинство! Хотя вообще-то круто. И много у вас было таких приколов?

Я скромно улыбнулся, давая понять, что много.

– Жесть! Но Вы правильно сделали, что оттуда ушли, – заключила юная леди.

– Полностью согласен, – искренне сказал я, проникаясь симпатией к девчонке.

В этот момент Кеша, до сих пор не проронивший ни одного членораздельного звука, выдал:

– Ну, вы приколисты! Петросян может отдыхать.

Вот он – благодарный слушатель! Петросян, значит, может отдыхать. Да по мне, он и так-то не сильно перетруждается...

Дом стоял на берегу свежевыкопанного пруда. Пруд был почти круглый, и только небольшая бухточка вдавалась в берег недалеко от какой-то хозяйственной постройки, стоявшей чуть в стороне от главного здания. Рядом был и лесочек – сосны с примесью лиственных пород: кленов, ольхи и березы. Дорога от хозяйственной постройки (это оказался какой-то склад для инвентаря и всякой дребедени) шла довольно круто на подъем и в одном месте, недалеко от берега пруда, частично была скрыта за пригорком.

Мне не раз приходилось читать о том, что называется «дежавю» – когда тебе кажется, что ты уже видел какое-то место, или уже встречал кого-то, хотя умом, так сказать, ты совершенно уверен, что ты здесь никогда не был и нигде не мог встречать показавшегося тебе знакомым человека. Думаю, каждому приходилось иногда испытывать нечто подобное, и я, конечно, не был исключением. Но в этот раз было что-то уж слишком явно и слишком похоже.

Не стоит болтать, будто я ничего такого сразу и не подсек, а так, вообще, что-то неуловимое, – вроде бы что-то напоминает, но никак не удастся ухватить. Нет, ничего подобного! Я сразу уловил сходство с домом из моего сна – слишком уж свежо все это было. В самом деле – круглое озеро с заливом,

опушка леса, косогор и этот чертов склад, стоявший на месте того самого флигеля со странным знаком на крыше. Что же это был за знак? Этого вспомнить я не мог, хоть убей. Впрочем, не слишком ли я серьезно отношусь к снам? Похоже, я и в самом деле превращаюсь в какого-то медитирующего отшельника, пытающегося раскрыть высшую тайну бытия. Что есть сны? Пучки неясных ассоциаций, обрывки воспоминаний, жалкие барахтанья спящего мозга, когда ниже расположенные его отделы играют вволю, расшалившись, словно дети, без родительского присмотра аналитического ума. Все это темно и бессмысленно, всякое толкование тут будет надуманным. Давно пора переключиться на что-нибудь более интересное. Но «дежавю» не отставало от меня.

* * *

Славик с нескрываемой гордостью показывал свои хоромы. Еще бы! Он, как гостеприимный хозяин, пригласил нас сюда повеселиться несколько дней хоть и за бесплатно, но не совсем за «просто так» – в ответ на свое хлебосольство он, вполне естественно, ожидал соответствующей ответной реакции. Выразаться она должна была в том, чтобы дорогие (черт возьми, и вправду не дешевые!) гости с пониманием и восхищением кивали головами, издавая одобрительные звуки и восклицания. При этом мужчины должны были деловито, как знатоки (или хотя бы притворяясь та-

ковыми), подробно и тщательно все осматривать, подсчитывая при этом, во сколько что обошлось. Прикидки эти, конечно, должны были производиться в уме, поскольку пользоваться калькулятором было как-то неудобно. Впрочем потом, не на людях, в более спокойной обстановке можно было воспользоваться и калькуляторами, которые, уж конечно, имелись у всех присутствовавших, подобно блокнотам и диктофонам у журналистов или пистолетам у оперативников, хотя я калькулятора с собой не взял – на что он мне здесь?

Что же касается дам, то от них никто подобного, конечно, не требовал – с них было достаточно восхищенного писка и возгласов, выражающих крайнюю степень обалдения от всего увиденного.

Я давно уже привык к подобным шоу, и примерный сценарий выучил, можно сказать, наизусть – он всегда соблюдался с большой точностью, отклонения были незначительны и касались второстепенных деталей. Вот и на этот раз хозяин, распираемый чувством собственного превосходства и с трудом сдерживающий желание сказать всем, что они – дерьмо собачье, и все, что они имеют, не стоит рядом с этим и ломаного гроша, с сатирической улыбкой водил гостей из столовой с оленьими головами в кабинет, обшитый ореховыми панелями, из спальни, где стояла широченная кровать с балдахинном, – в клозет, облицованный чуть ли не мрамором, небрежно, с наигранным сожалением бросая при этом:

– Это, конечно, не то, сами видите.

– Ясен пень, мне хотелось сделать иначе, но, сами знаете, это ж такие бабки!

– Я вообще-то хотел обшить дубом, но пока не вышло, побудет орех, потом поменяем.

Он играючи оперировал называемыми многозначными суммами, причем минимальной единицей у него была «штука баксов». При этом глаза присутствовавших наливались такой завистью, что на них было больно смотреть. Так, поглаживая то свой приметно округлившийся животик, то свою трехдневную щетину, наш гид провел нас почти что по всему дому. Меня все это мало интересовало, и я слушал вполуха, лишь надевая на лицо маску восхищенного интереса. (Я успел уже хорошо освоить лицедейство; наверное, у меня были к этому способности – ведь не даром я был из актерской семьи.) В действительности же я испытывал невообразимую скуку.

И тогда я увидел ЕЕ.

Глава 5: ЯНА

К этому моменту осмотр дома был уже закончен, однако впереди был еще второй акт этого моноспектакля – осмотр окружающей территории, но пока милосердный наш Славик предоставил нам некоторое время на передышку – мужчины собрались в кабинете и курили, потягивая какое-то пойло, женщины щебетали в зале, тоже куря и делясь впечатлениями от увиденного. Билл, как я видел, всюду ухлестывал за Жанной. Мне пить не хотелось, поэтому, сославшись на то, что я некурящий и выдав очередную свою дежурную хохму по этому поводу, я удалился и вышел во двор. Там-то я и увидел ЕЕ. ОНА стояла у веранды, разговаривая с каким-то долговязым типом, одетым в джинсы. На фоне костюмов прочих гостей его туалет показался мне несколько странноватым. (Должно быть, это был кто-то из свиты бездельников для мелких поручений, которые всегда крутятся вокруг состоятельных людей.) А главное, он сам совершенно, просто *вопиюще* не подходил к НЕЙ.

ОНА была невысокого роста, чуть склонной к полноте блондинкой, как раз того типа, женщин, который мне нравится, но самым замечательным были ЕЕ глаза – большие, ясные, удивительного насыщенного голубого цвета, излучавшие неизъяснимое обаяние. Никогда прежде не видел я по-

добных глаз. Решение было принято немедленно, и я направился к НЕЙ. Когда ОНА заметила мой маневр, ЕЕ глаза обратились в мою сторону, ОНА очаровательно улыбнулась. Я почувствовал, что ЕЕ интерес явно переключился на меня и готов был крепко взять дело в свои руки, чтоб больше уже не отпускать его. Полагаю, это почувствовал и долговязый джинсовый юнец, трезво оценив свои силы и осознавая свою неспособность конкурировать с солидным дядей в дорогом костюме и, судя по всему, с решительными намерениями, поскольку, провякав для приличия несколько слов, он отчалил.

Оказалось, что ОНА тоже не курит и не любит заниматься пустым трепом, так что мы оказались, родственными душами. Признаться, я вообще не мог понять, как ОНА попала сюда, о чем я прямо и спросил ЕЕ. Выяснилось, что попала ОНА сюда по сути дела случайно – ЕЕ пригласила подруга, а вообще-то ОНА – студентка и учится на философско-экономическом факультете. ОНА была лет на пятнадцать моложе меня, но я, конечно, не хотел держать слишком большую дистанцию и, улыбнувшись настолько обаятельно, насколько смог, представился:

– Меня зовут Сергей, но Вы можете называть меня просто Сержем.

Ответная улыбка:

– Яна.

Имя показалось мне удивительно гармонирующим с ЕЕ внешностью.

– У Вас красивое имя, – сказал я. – Именно поэтому Вы отлично подходите друг к другу.

– Вы всем расточаете такие изысканные комплименты?

– Нет, что Вы, только Вам.

– Вы Дон Жуан? Тогда берегитесь. На меня эти чары не действуют. Я знаю страшные магические заклинания.

– Неужели? О, тогда я заклинаю и молю Вас, милосердная госпожа, не губите! Какой я Дон Жуан?! Я бедный отшельник, умерший для мира, все свои дни я посвящаю поискам божественного Абсолюта.

– Если Вы и не Дон Жуан, то Вы просто несносный трепач. Вы всегда выражаетесь подобным образом?

По ее улыбке я видел, правда, что ничего обидного в слово «трепач» она не вкладывала.

– По-моему, публика, которая здесь собралась, мало похожа на собрание философов, и думаю, они съехались сюда не для диспута, – продолжала она. – Вот и Вы, судя по Ва-

шему виду, и особенно по одежде, тоже вряд ли философ.

– Неужели я так низко пал? О, я, недостойный торговец, как я смел?

Я почувствовал, что переиграл.

– Извините, Яна, – я постарался обезоруживающе улыбнуться, но не знаю, насколько это у меня получилось, – у меня и в мыслях не было паясничать, я, должно быть, теряю форму, но мои друзья действительно иногда называют меня отшельником или пустынножителем за мой интерес к науке, особенно к астрономии. Астрономия представляется им чем-то уж слишком оторванным от жизни.

У нее проснулся интерес к моей персоне.

– Вы и в правду увлекаетесь астрономией? По-моему, это ужасно интересно.

Ну, уж, нет! Астрономия и женщины – что-то такое у меня уже было.

– Скорее ужасно, чем интересно, – возразил я. – Знаете, все эти сотни световых лет, взрывы звезд и галактик, по масштабу превосходящие всякое воображение. Если обо всем этом подумать, как следует, то не долго и свихнуться. Я стараюсь над этим не задумываться.

– Может быть, вы правы, но все же в этом есть что-то захватывающее.

Она внимательно посмотрела на меня.

– Скажите, а что у Вас за значок? Он какой-то странный. Я таких никогда не видела, это что, тоже какой-нибудь астрономический символ?

О Боже! Значок! А я, ведь, совсем забыл о нем. Между прочим, до сих пор никто еще не обращал на него никакого внимания – должно быть, я здорово переоценил эту публикацию. Но Яна! Нужно было срочно придумывать легенду. Конечно, я хотел придумать ее еще дома, но из-за этого чертова сна я все забыл. Теперь приходилось импровизировать. К счастью, в этот момент нас окликнули – пора было продолжать осмотр.

– Я расскажу Вам позже, – сказал я и загадочно улыбнулся.

* * *

Прежде всего, мы пошли осматривать пруд. Когда я увидел его, на меня опять нахлынули ассоциации. Сон снова стал овладевать моим сознанием.

Озеро было почти идеально круглым, и только в одном месте, на дальней от меня стороне, был виден узкий залив, берега которого поросли ольхой...

– Что с Вами? – Яна с беспокойством смотрела на меня.

Я как-то вдруг почувствовал, что теперь я уже не один на один с теми химерами, что меня окружали.

– А, ничего, просто немного задумался.

– И напрасно задумались. Наконец-то рассказывают что-то интересное.

– Да ну, в самом деле?

– Ну конечно. Оказывается, на этом месте когда-то уже был пруд, но он очень давно высох, неизвестно, почему – это определили по каким-то особенностям рельефа или что-то в этом роде.

Сердце у меня на несколько мгновений перестало стучать, после чего забилось медленно и тяжело, как у слона. Я чувствовал, как оно задевает ребра. Яна смотрела на меня уже с явной тревогой.

– По-моему, Вам нехорошо, – сказала она, – Вам, наверное, лучше присесть.

– Нет-нет, что Вы, все в порядке.

– Ну, смотрите.

Она мне не поверила, это явно. Впрочем, я уже и не мог скрыть свое беспокойство. В голове у меня тупо ворочалась одна-единственная дурацкая фраза:

– Это озеро уже было. *Это озеро уже было.*

Внезапно я услышал какое-то слово, которое «зацепило» мое внимание. Я прислушался к тому, что рассказывал Славик:

– Ну, а здесь отрыли фундамент какой-то хибары – она стояла прямо тут, на горке.

И он показал на место, где стоял его склад.

Глава 6: ЛУННЫЙ СВЕТ

Пир вступал в завершающую стадию. Все перепились и наелись до отрыжки, и теперь, разбившись на группы, распивали дополнительный ящик водки, выставленный радушным хозяином, громко обсуждая что-то и пытаясь перекрычать друг друга хриплыми, пропитыми голосами. Уровень беседы, и с самого начала-то не слишком высокий, уверенно опускаясь все ниже, дошел уже до уровня интеллектуального развития каннибалов Карибского моря до их знакомства с европейцами, а несколько парочек уже разбрелись по дому и окрестностям.

Честно говоря, я бы тоже с удовольствием напился, чтобы выбросить из головы наваждение, которое – я чувствовал – все глубже захлестывает меня, проникая в самые укромные тайники моего сознания. Но рядом была Яна. В ее присутствии я не мог позволить себе превратиться в скотину. Яна не была какой-нибудь неприятной девкой, с которой можно выделывать все, что угодно, лишь бы ее напоили шампанским и угостили дорогими сигаретами. Она пила совсем мало, и я должен был все время поддерживать разговор. Не могло быть и речи о том, чтобы я отпустил Яну от себя в этом вольере для орангутангов. Впрочем, разговор наш носил светский характер – понемногу обо всем и ни о чем. После того, как находиться в столовой стало невозможно, мы

вышли на балкон.

Как ни странно в такой чудный вечер, там никого не было. А погода и вправду была дивной: рано взошедшая луна стояла уже высоко в небе, ее круглый лик освещал все вокруг призрачным серебристым сиянием. Полнолуние. И не глядя на часы, можно было сказать, что уже за полночь – диск ночного светила начал склоняться к западу. Далеко впереди в лунном свете белела поверхность пруда. Ночь была довольно прохладной и сырой – август, лето быстро шло к своему закату. На балконе мы как бы оказались в другом мире. Там, за окном, были пьяное веселье, дурацкие шутки и грубый хохот, но вместе с тем это был по-своему уютный мирок. Здесь же мы оказались лицом к лицу с неохватной, божественной тайной Природы. Я набросил Яне на плечи свой пиджак.

– Сергей, я хотела с Вами поговорить, – неожиданно произнесла она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.